

Соседи по завтрашнему ДНЮ

и
Анна Инежина

Анна Инежина

Соседи по завтрашнему дню

«Автор»

2026

Инежина А.

Соседи по завтрашнему дню / А. Инежина — «Автор», 2026

Что, если в вашей квартире кто-то живёт на сутки позже вас? Лера распаковывает вещи — и находит на столе чужую чашку. Записки из завтрашнего дня ведут к соседу, которого нельзя встретить. Его выборы заставляют задуматься: что изменить в своей жизни уже сегодня? Соседство становится историей о тревоге, границах и переменах: как отличать факты от догадок, просить прямо и поддерживать, не решая за другого. Как сделать сильный шаг без ответа и полной уверенности — и принять помощь, не отдавая никому ответственность за своё будущее? «Соседи по завтрашнему дню» — для тех, кто откладывает важное, боится ошибиться или ждёт подсказки. Тёплая история с фантастической завязкой напоминает: будущее не обязано быть предсказуемым. Иногда достаточно выбрать следующий шаг — и сделать его сегодня. Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image - Лицензия

© Инежина А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Квартира, в которой утро наступает дважды	6
Чужая чашка на моём столе	10
Записка с завтрашней датой	14
Сосед, которого нельзя встретить	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Анна Инежина

Соседи по завтрашнему дню

Соседи по завтрашнему дню

Анна Инежина

Квартира, в которой утро наступает дважды

Коробка с надписью «КУХНЯ» застряла между дверью и косяком и не желала признаваться, что в ней лежит. Лера толкнула её плечом. Коробка подалась, задела ножку стула, и из-под крышки выскользнул половник.

— Отлично, — сказала Лера. — Первый предмет на новом месте уже пытается сбежать.

Половник остановился у плинтуса. Лера подняла его, поставила коробку на пол и прислушалась. В трубах кто-то негромко постучал, словно вежливо попросил пропустить. Потом радиатор кашлянул, зашипел и замолчал.

Квартира встретила её запахом лимонного чистящего средства, пыли и чего-то металлического. На лестничной площадке пахло чужим обедом, в лифте — мокрой шерстью, а здесь, в прихожей, будто только что протёрли поверхности и забыли открыть окно.

Лера закрыла дверь и проверила замок. Раз. Потом ещё раз, уже медленнее.

Всё. Она переехала.

Три комнаты, высокие потолки, окно во двор, кухня с зелёной плиткой, которая, по словам хозяйки, была «с характером». Характер пока проявлялся в том, что одна дверца шкафа не закрывалась, а кран поворачивался только с третьей попытки. Но квартира была её. На одиннадцать месяцев, с возможностью продления и с отдельной строкой в договоре про кота, которого у Леры не было.

Она поставила сумку у стены и сняла куртку. На телефоне было третье ноября, шестнадцать сорок две. Первая ночь в новом доме. В голове это звучало торжественнее, чем в действительности. В действительности Лера стояла посреди коробок в носках разного цвета и держала в руке половник.

Телефон зазвонил. Хозяйка.

— Добрались? — спросила Галина Павловна.

— Да. Уже осваиваюсь.

Лера посмотрела на коробки, на инструкцию к кровати, которая почему-то начиналась с шага девять, и на половник в своей руке.

— Прекрасно, — сказала она.

— Если что, звоните. С отоплением тут в первый вечер может быть шумно. Трубы старые, зато надёжные. Предыдущие жильцы съехали давно, всё вымыли, проверили. Ключи у вас все?

— Все.

— Ну вот. Теперь ваша очередь сделать здесь уютно.

Слово «уютно» повисло между ними, как шарик, который никто не просил надувать.

— Постараюсь, — сказала Лера.

Она не стала спрашивать, почему на кухонном столе стоит чужая кружка. И почему рядом лежит список покупок, написанный аккуратным, свежим почерком.

Когда хозяйка отключилась, Лера положила телефон на подоконник и прошла на кухню. Кружка была тёмно-синяя, с белой полосой у края и маленькой трещиной на ручке. Не антиквариат и не дизайнерская вещь. Обычная кружка, настолько обыкновенная, что сразу казалась неуместной. Внутри было чисто, но на дне виднелся светлый круг от чая.

Список лежал под ней, чтобы не скользил по столу.

Молоко. Хлеб. Лимоны. Батарейки.

Бумага не пожелтела, чернила не расплылись. Список выглядел так, будто его написали сегодня утром и собирались забрать после магазина.

Лера подняла листок, перевернула. На обратной стороне ничего не было.

— Предыдущий жилец забыл, — сказала она вслух.

В новой квартире словам полагалось звучать уверенно. Хотя бы для мебели.

Возможно, кто-то из рабочих оставил. Возможно, хозяйка не заметила. Возможно, список вообще не был списком, а упражнением на ровный почерк. На кухне могло происходить много вещей, не имеющих отношения к Лере.

Она положила листок обратно под кружку. Позже спросит Галину Павловну. Сейчас у неё были более срочные задачи: кровать, чай, коробки, найти зарядное устройство и не вспомнить ту переговорную, где ей сказали, что компания «меняет структуру».

За последний месяц слово «структура» стало для Леры чем-то вроде погодного явления. Оно двигалось над городом, сгущалось и наконец пролилось на неё фразой руководителя: «Твою позицию мы решили не сохранять». Потом были рукопожатия, доступы, которые отключили до обеда, и коробка из-под принтера, в которую она складывала блокнот, кружку и кактус с подозрительно уверенным видом.

На вопрос «что ты теперь будешь делать?» Лера отвечала: «Начну сначала».

Слова звучали хорошо. Почти как план. Но начинать сначала она собиралась после того, как найдёт новую работу, разберётся со старой квартирой и перестанет просыпаться в пять утра от мысли, что должна была сказать начальнику что-то острое.

Теперь у неё была новая квартира. Значит, можно было объявить начало состоявшимся.

Лера развернула инструкцию к кровати и села на пол, чтобы прочитать её. В комплекте не хватало двух винтов, зато присутствовала загадочная деталь под номером двадцать семь, которой не было ни на одной из картинок. Через двадцать минут кровать напоминала деревянный акцент в поддержку мебельного оптимизма.

Лера позвонила в магазин. Музыка на ожидании играла так бодро, словно никто никогда не собирал кровать и не терял работу. Пока она слушала, в трубах снова застучало.

— У вас там ремонт? — спросил наконец молодой голос.

— Нет. Это квартира разговаривает.

Парень помолчал.

— Кровать, значит, ещё не собрали?

— Вы удивительно быстро поставили диагноз.

Он пообещал прислать винты, и Лера закончила разговор с чувством, будто хотя бы одна проблема согласилась решаться по расписанию.

Вечер медленно заполнял комнаты. Лера открыла коробку с кухонными вещами, но остановилась, увидев собственную кружку — белую, с выцветшей надписью «НЕ СЕГОДНЯ». Когда-то её подарила подруга, смеясь над Лериным умением откладывать неприятные разговоры до подходящего момента.

Подходящий момент у Леры был занят. Обычно он наступал после понедельника, после отпуска, после сдачи проекта, после того, как она «немного придёт в себя». Перемены казались ей чем-то, что нужно сначала тщательно обдумать, а потом дожидаться, пока оно произойдёт без её участия.

С увольнением так не вышло. Оно произошло вполне самостоятельно и без предварительного согласования.

Она поставила свою кружку на стол, потом посмотрела на чужую. В квартире было тихо, но не пусто. Разницу Лера не могла объяснить и не собиралась пытаться. За стеной кто-то двигал стул. Вода прошла по трубам, шурша, как далёкий поезд.

Лера достала из сумки тонкий блокнот и записала на первой странице: «Переезд. 3 ноября». Ниже собиралась добавить что-нибудь вдохновляющее, но рука сама вывела: «Не паниковать».

Это тоже было похоже на обещание, только не очень надёжное.

Она попробовала представить, что именно её тревожит. Не всю жизнь сразу, а эту кухню, этот стол и синюю кружку. Странность была маленькая. Настолько маленькая, что её можно

было проигнорировать. И Лера почти умела так делать: складывать неудобное в аккуратную стопку, подписывать «временно» и убирать на верхнюю полку.

Она взяла пустую коробку из-под тарелок, перевернула её боком и нашла маркер. На картоне было выведено «ХРУПКОЕ», но после переезда это слово казалось уже не предупреждением, а характеристикой.

Лера написала крупно:

Что я могу решить сегодня

Подумала и добавила ниже короткий список:

Факты: кружка здесь; список здесь; я въехала сегодня. **Догадки:** прежний жилец забыл; хозяйка не заметила; это ничего не значит. **Сегодня могу:** спросить; не выбрасывать; распаковать одну коробку.

Она перечитала написанное. Вопросы не исчезли. Зато перестали притворяться ответами.

Лера не знала, кому принадлежала кружка. Она не знала, почему свежий список лежал на пустом столе. Зато знала, что может не выбрасывать чужую вещь и написать записку. Ещё она могла сделать одну маленькую вещь, которая говорила бы: я здесь, и это не временная стоянка.

Она распаковала полотенце, повесила его на ручку духовки, налила воду в чайник и достала собственную кружку. Пока вода нагревалась, поставила на стол небольшую лампу из спальни. Её тёплый круг света лёг на зелёную плитку и угол коробки с надписью «ХРУПКОЕ».

Получилась кухня, в которой можно было выпить чай. Не уютная, не законченная, не похожая на фотографии в объявлениях. Но уже не совсем чужая.

Чайник выключился. Лера налила кипятка и села за стол. Синяя кружка стояла напротив. Она подумала, что стоит переместить её в шкаф, а потом решить, что делать. Но это было бы очередное «потом», прикрытое разумным лицом.

Лера оторвала от блокнота листок.

«Здравствуйте. Я Лера, сегодня въехала. Нашла на кухне кружку и список покупок. Это ваше? Что с ними сделать? Я оставила всё на столе».

Она не написала «простите», хотя на секунду захотелось. Не стала подписываться полным именем, номером телефона и объяснением, что вообще-то она человек адекватный. Просто сложила лист пополам и положила рядом с кружкой.

Так было проще, чем придумывать историю.

Перед сном Лера ещё раз обошла квартиру. В спальне на полу лежал матрас, кровать была прислонена к стене в разобранном виде. В гостиной коробки стояли рядами, похожими на зрителей, которые ждут представления. На кухне свет лампы оставался включённым. Лера вернулась и выключила его.

В темноте трубы снова постучали.

— Я слышу, — сказала она и пошла спать.

Утром её разбудил солнечный прямоугольник на стене и соседский будильник. Будильник звонил с таким отчаянием, будто его владельцу тоже пришлось переехать, уволиться и собрать кровать без двух винтов.

Лера нашла телефон. Восемь двенадцать. Четвёртое ноября.

Она села на матрасе и сразу вспомнила про кухню. Не потому, что ждала ответа. Она просто оставила записку и теперь знала, что оставила её. Любопытство проснулось раньше неё и уже успело одеться.

На кухне всё выглядело почти так же, как вечером. Лампа стояла на столе. Чайник — рядом. Синяя кружка была на месте.

Записки не было.

Лера остановилась в дверях. Посмотрела на пол, на столешницу, под кружку. Может, она забыла, что убрала листок. Может, он упал за стол. Может, его сдуло сквозняком, хотя окна

были закрыты. На полу лежал только один из винтов от кровати, который каким-то образом проделал путь из спальни к кухне.

Лера обошла стол и нашла у кружки другую бумажку. Маленькую, сложенную пополам. Бумага была белая, гладкая, без знакомого разрыва по краю. Она не помнила, чтобы оставляла её.

Лера взяла листок. На нём ровным почерком было написано:

«Да. Кружка моя. Список тоже. Пожалуйста, оставьте их здесь. Я тоже живу в этой квартире.

Никита

5 ноября»

Лера перечитала записку.

Потом посмотрела на телефон. Четвёртое ноября.

Она проверила дату ещё раз, хотя цифры от этого не должны были измениться. Четвёртое. На листке — пятое. Завтрашний день, аккуратно написанный чужой рукой.

В трубах за спиной тихо прошла вода. Лера не обернулась. Кружка стояла на столе, такая же обычная, с белой полосой у края и трещиной на ручке. Она могла придумать десяток объяснений. Кто-то вошёл запасным ключом. Хозяйка пошутила. Лера спала и ничего не заметила. Сосед по лестничной клетке ошибся дверью.

Каждая версия была возможной. Ни одна пока не объясняла, почему ответ датирован завтрашним числом.

Лера осторожно положила бумажку рядом с кружкой. На этот раз она не стала убирать её в ящик и не стала звонить хозяйке. Сначала захотелось пройтись по квартире, проверить замки, заглянуть в шкафы. Потом захотелось сделать вид, что ничего не произошло.

Она заметила это желание, как замечают знакомую мелодию из соседней комнаты.

На коробке с надписью «ХРУПКОЕ» вчерашний список всё ещё был виден. Внизу оставалось свободное место. Лера нашла маркер и добавила:

Сегодня могу: подождать ответа.

Она не знала, кто такой Никита и как его записка оказалась на её столе. Не знала, что будет завтра. Но могла не выбрасывать кружку. Могла не убеждать себя, что страх исчезнет, если его не называть. Могла сначала выпить чай, потом решить, что делать дальше.

Лера налила воду в чайник и на этот раз поставила кружку Никиты чуть ближе к краю стола, чтобы не задеть треснувшую ручку. Потом села напротив неё со своей чашкой и посмотрела на дату.

Пятое ноября.

В квартире наступило утро. И, судя по записке, не для всех одновременно.

Чужая чашка на моём столе

Мокрый круг проступил на столе раньше, чем Лера успела включить чайник.

Она замерла, придерживая ладонью дверцу кухонного шкафа. На светлой столешнице темнел аккуратный след от стакана, а рядом блестела капля. Стакан стоял чуть поодаль, пустой. Стул напротив её места был отодвинут, будто кто-то встал из-за стола и забыл задвинуть его обратно.

Лера посмотрела на окно.

Закрыто.

Вчера вечером она оставила створку приоткрытой, чтобы выветрить запах картошки. По крайней мере, ей казалось, что оставила. Ночной дождь затянул стекло мелкими каплями снаружи, и теперь кухня выглядела так, словно кто-то старательно запер в ней серое утро.

Первой мыслью было: он опять здесь.

Вторая мысль появилась сразу за ней: кто именно «он» и что значит «опять», если Лера никогда его не видела?

Она поставила чайник. Кнопка щёлкнула громче, чем следовало. В квартире, где ты живёшь одна, любой звук со временем становится привычным. Стоит предположить, что один из них принадлежит кому-то ещё, и даже чайник начинает звучать как свидетель.

На столе лежала её вчерашняя бумажка со списком покупок. Лера помнила, как оставила её у сахарницы перед сном: молоко, овсянка, яблоки, батарейки. Список был перевернут. На чистой стороне, которой вечером ещё не было видно, появились пять строк, написанных знакомым наклонным почерком:

Закреть окно. Поставить стакан на подставку. Не забыть чай. Лере оставить хлеб. Написать.

Лера перечитала последнюю строку и почувствовала, как внутри поднимается раздражение. Тихое, горячее. Оно оказалось удобнее страха: раздражению не нужно было гадать, оно уже знало, что думает.

— Прекрасно, — сказала Лера. — У меня теперь есть невидимый сосед, который оставляет мне инструкции.

Слова прозвучали почти весело. Почти.

Она не тронула записку. Обошла стол, проверила входную дверь. Замок был закрыт, цепочка на месте. В прихожей всё стояло так, как она оставила: обувь у стены, сумка на крючке, коробка с хрупкими вещами не распакована. Ни открытых ящиков, ни разбросанных вещей. Только мокрый след, стул и список.

Вчера, пятого ноября, она почти весь день пыталась привыкнуть к чужой чашке. Она даже поставила её немного ближе к краю, чтобы не задеть треснувшую ручку. Думала, что, может быть, дождётся ещё одного сообщения от Никиты. Не дождалась. Вечером закрыла коробку, сварила ужин и оставила окно на проветривание. По крайней мере, именно так она помнила вечер. Но память не была камерой наблюдения: она умела дополнять кадр, вырезать лишнее и подсовывать уверенность там, где на самом деле была только привычка.

Лера вернулась к столу. На записке не было ни приказного знака, ни обращения. Просто список. Чужой список на её бумаге.

Она вдруг представила, как Никита ходит по её кухне, открывает шкафы, выбирает стакан, смотрит на чашку, замечает треснувшую ручку. Потом оставляет завтрак и записывает, что надо написать Лере. Представила так ясно, словно сама стояла рядом. В этой версии он был не загадочным соседом, а человеком, который без спроса распоряжается её пространством.

И всё же кое-что в этой картинке не сходилось. Если он хотел распоряжаться, зачем оставлять хлеб? Если не хотел пугать, зачем молчать? Если хотел напомнить о себе, почему не написал прямо?

Тревога быстро подхватила эти вопросы и ответила на каждый самым неприятным способом. Потому что он играет. Потому что проверяет. Потому что знает, когда её нет. Потому что однажды сделает что-то хуже.

Лера отдернула руку от бумаги.

— Стоп, — сказала она.

Это слово не разрешило загадку. Но оно хотя бы не добавило к ней ещё одну.

Она нашла в ящике карандаш и придвинула к себе список покупок. На его лицевой стороне по-прежнему значились молоко, овсянка, яблоки и батарейки. Лера перевернула лист и на свободном краю написала три заголовка:

ФАКТ. МОЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ. ЕЩЁ ОДНО ВОЗМОЖНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ.

Поначалу упражнение показалось ей школьным. Так и захотелось поставить рядом с каждой строкой оценку. Но она всё-таки провела карандашом черту между столбцами.

Факт: на столе мокрый след от стакана. **Моя интерпретация:** Никита не считается с моими вещами. **Ещё одно возможное объяснение:** он поставил холодный стакан на стол и забыл про подставку. След доказывает только то, что стакан стоял именно здесь.

Лера посмотрела на круг. В нём не было ни презрения, ни угрозы. Только вода.

Она дописала:

Факт: стул отодвинут. **Моя интерпретация:** он шарил по кухне и искал что-то в моих коробках. **Ещё одно возможное объяснение:** он сидел за столом. Или я сама отодвинула стул вчера и не задвинула обратно.

Последнее объяснение было не слишком убедительным, но возможным. Она попробовала вспомнить. Вечером читала на кухне, сидя именно на этом месте. Может, встала за солью. Может, стул так и оставила. Может, нет. Не всякая неполная память скрывала в себе преступление.

За окном прошёл автобус, шины шуршали по мокрой дороге. Лера посмотрела на закрытое окно. На стекле осели мелкие капли, в нижнем углу побелела полоска запотевшего воздуха.

Факт: окно закрыто. **Моя интерпретация:** кто-то вошёл, пока меня не было. **Ещё одно возможное объяснение:** окно закрыли из-за дождя. Или я сама закрыла его перед сном и не запомнила.

Она провела пальцем по подоконнику. Поверхность была холодной и влажной. За ночь ветер гнал дождь прямо в стекло. Если бы окно оставалось открытым, вода попала бы на пол. Лера посмотрела на доски у стены. Сухие.

Это не доказывало, что Никита заботился о её квартире. Но доказывало, что закрытое окно было полезнее открытого.

На кухне запахло чаем. Лера сняла чайник с подставки и налила кипятка в свою чашку. Чашку Никиты не тронула. Она стояла там, куда Лера поставила её вчера, ручкой с трещиной от себя. Вчера это движение казалось ей маленькой уступкой неизвестности. Сегодня — почти правилом хорошего соседства, хотя соседа она всё ещё не видела.

На тарелке у хлебницы лежали два тоста. Один был накрыт перевёрнутой миской, чтобы не остыть совсем. Рядом — маленький пакет масла и половинка яблока. Лера не сразу заметила, что голодна. Последний раз она ела накануне вечером, а после этого так тщательно следила за каждым следом чужого присутствия, что успела забыть о собственном теле.

Она снова посмотрела на список.

Факт: на бумаге написано «Лере оставить хлеб». **Моя интерпретация:** он решил, что я беспомощная, и теперь будет заботиться обо мне без спроса. **Ещё одно возможное объ-**

яснение: он хотел оставить еду. Возможно, это его способ показать, что он не собирается мне вредить.

Лера остановилась на слове «возможно».

Это было важное слово. Оно не превращало догадку в факт, зато позволяло не принимать самую страшную догадку за единственную.

— Я не обязана есть этот хлеб, чтобы быть благодарной, — сказала она чайнику. — И не обязана считать его опасным, чтобы быть осторожной.

Кухня ничего не ответила. Чайник, впрочем, давно отличался тактом.

Лера откусила тост. Он был чуть суховат, зато масло успело подтаять. Простая, бытовая забота не становилась от этого доказательством дружбы. Но и автоматически подозрительной она не становилась. Пока Лера знала только одно: кто-то оставил ей завтрак. Кто именно и как он оказался здесь, предстояло выяснить.

Список, написанный на её бумаге, был похож на записку, которую она нашла рядом с чашкой. Тот же наклон букв, те же короткие палочки у «т» и едва заметная привычка дописывать последнюю черту ниже строки. Значит, почерк принадлежал Никите. Это была уже не догадка, а сравнение двух листков.

Лера перевернула карандаш и на пустом месте под своими тремя колонками начала писать сообщение. Сначала получилось:

Никита, я знаю, что вы здесь.

Она посмотрела на слова и зачеркнула их. Она знала, что в квартире есть его чашка и записки. Это было не совсем одно и то же, хотя тревога уже успела оформить разницу как несущественную.

Она начала снова:

Никита. Я нашла ваш список и хлеб. Спасибо. Окно было хорошо закрыть: ночью шёл дождь. Я хочу понять, что происходит. Вы живёте в этой квартире? У меня сегодня шестое ноября. Какая дата у вас? Пожалуйста, напишите сюда. И пока мы не договорились, не трогайте мои коробки.

Последняя фраза показалась ей резкой, но не враждебной. Это была граница, а не обвинение. Лера перечитала сообщение и добавила:

Если я что-то неправильно поняла, объясните.

Она поставила карандаш рядом с запиской и не прижала лист кружкой. Почему-то ей не хотелось запечатывать вопрос. Пусть у того, кому он предназначен, останется возможность его увидеть.

Потом Лера сделала себе ещё чаю. Позвонила на работу, перенесла встречу на час и разобрала два небольших ящика. Каждые полчаса возвращалась на кухню, будто могла поймать ответ в момент его появления. Ничего не менялось. Записка лежала там же, чашка — рядом, стул по-прежнему был отодвинут.

К четырём часам Лера устала не от загадки, а от попыток всё время быть готовой к ней. Она закрыла ноутбук, вынесла мусор и зашла в магазин за батарейками. Когда вернулась, на лестничной площадке пахло мокрой шерстью и чьим-то жареным луком. Обычная жизнь соседей за стенами продолжала существовать, не подозревая, что в одной кухне два дня упрямо пытаются встретиться.

Листок лежал на столе. На нём появились новые строки.

Лера не сразу коснулась бумаги. Сначала посмотрела на чашку, на стул, на стакан с влажным кругом. Потом взяла записку за угол.

Почерк был тот же. Под сообщением Никита написал:

Да. Я живу здесь. Только на день позже тебя. Если у тебя сегодня шестое ноября, у меня седьмое. Я тоже не знаю, почему мы не совпадаем. Хлеб оставил, потому что подумал, что ты можешь не успеть поесть. Извини за стакан. Никита.

Лера прочитала это один раз. Потом второй.

Всё, что она знала о квартире, не исчезло. Чашка оставалась чужой. Окно закрывали без её ведома. У списка по-прежнему не было понятной дороги на стол. Но теперь среди фактов появился ещё один: Никита жил здесь. По его словам, он жил здесь на день позже неё.

Лера села на тот самый отодвинутый стул. Он тихо скрипнул под ней. На столе между её ладонью и чужой чашкой лежала записка с завтрашней датой.

Она не стала немедленно искать объяснение. На сегодня ей хватило вопроса, на который наконец ответили.

Записка с завтрашней датой

Лера перевернула записку чистой стороной вверх и долго держала над ней ручку.

Сказать спасибо было легко. Спросить, как именно устроена эта квартира, — невозможно: вопросов оказалось слишком много, и каждый тянул за собой следующий. Она могла написать: «Ты правда живёшь здесь?» Но ответ уже лежал перед ней. Могла спросить, видел ли он её записки, но не знала, какие из них он получил. Могла потребовать объяснений, однако сама не представляла, с чего начать.

Она посмотрела на хлеб, оставленный Никитой. Отломил кусок. Мякиш был мягкий, с тёплым запахом дрожжей, и этот простой вкус вдруг помог ей вернуться из всех невероятных догадок в кухню.

На обороте записки Лера написала:

Никита, спасибо за хлеб. Мне нужно немного тишины, пока я пытаюсь привыкнуть к происходящему. Не обижайся. Лера.

Перечитала. Слова выглядели вежливо. Почти ласково. Она решила, что этого достаточно.

Записку сложила пополам и положила под чашку, ту самую, которая в её дне была чужой, а в Никитином, вероятно, стояла на своём месте. Потом убрала хлеб в шкаф. Сделала это бережно, словно он был не едой, а подтверждением: кто-то здесь подумал о ней.

На следующее утро в квартире ничего не изменилось. Чашка стояла там же. Окно было закрыто. Записки не появилось.

Лера почувствовала облегчение. Значит, Никита понял. Тишина, о которой она попросила, наступила.

К вечеру облегчение стало казаться слишком похожим на пустоту.

Она несколько раз проходила мимо стола, каждый раз надеясь увидеть бумагу. Потом сердилась на себя за эту надежду. Она сама попросила тишины. Никита не обязан был угадывать, сколько именно тишины ей нужно, но ведь она написала «немного». Разве это не означало, что позже он снова может написать?

Она попыталась заняться делами. Разобрала сумку, разложила документы, ответила на письмо с работы. Но квартира казалась теперь не загадкой, а сценой, с которой внезапно ушёл второй актёр. В комнате по-прежнему оставались следы Никиты: сдвинутый стул, чашка, хлебный пакет. Самого его не было, и от этого его присутствие ощущалось сильнее.

На листе из блокнота Лера написала три строки:

Что произошло: Никита оставил хлеб и записку. **Что я предполагаю:** он решил, что я не хочу с ним разговаривать. **Что я хочу знать:** что он понял под словом «тишина»?

Она перечитала последнюю строку и нахмурилась. Вопрос был не только о Никите. Она сама не объяснила, что имела в виду. Слово казалось ей понятным, пока она не попыталась дать ему точные края.

На следующий день Лера положила блокнот в ящик, а на столе оставила чистый лист. Рядом — ручку. Это выглядело почти как приглашение, хотя приглашением она его не называла.

Записка появилась утром.

Бумага была сложена вчетверо. На внешней стороне стояла дата: **8 ноября**. У Леры было седьмое.

Она раскрыла лист.

Лера, я понял. Не буду больше писать. Никита.

Коротко. Без приветствия, без хлеба, без объяснения. Будто он не отвечал ей, а закрывал дверь.

Первой Лера почувствовала обиду. Потом — жар в щеках. Ей захотелось немедленно написать: «Я не просила исчезать». Но ручка в руке задержалась над бумагой.

Она прочитала собственную записку, которую оставила под чашкой. «Мне нужно немного тишины». «Не обижайся». В этих словах можно было услышать и просьбу подождать, и просьбу прекратить писать, и даже предупреждение: не приближайся.

Лера всё равно написала:

Я не просила больше не писать.

Поставила точку так сильно, что бумага едва не порвалась. Сразу стало неловко. Фраза была правдивой, но несправедливой: он не мог знать, чего она не сказала. И всё-таки в ней оставалась горькая уверенность, что Никита должен был понять.

Лера скомкала лист, разжала ладонь и расправила его. Складки перечеркнули слова, будто кто-то уже ответил за неё.

Новый лист она взяла из ящика. Сначала написала только:

Ты понял мою фразу как просьбу не писать совсем?

Ниже добавила:

Лера.

Этих слов было достаточно для вопроса и недостаточно для объяснения. Она оставила записку на столе.

Ответ пришёл на следующий день, датированный девятым ноября. Лера узнала его почерк ещё до того, как развернула бумагу: Никита наклонял буквы влево, будто они торопились выбраться за край листа.

Да. Я решил, что ты хочешь, чтобы я не появлялся в твоей жизни. Не только на кухне. Я не хотел давить. Ты написала, что тебе нужна тишина, и я подумал, что самый безопасный ответ — ничего не отвечать. Похоже, я ошибся.

Она остановилась на словах «не появлялся в твоей жизни». Они были странно тяжелее остального текста. Лера ощутила, как внутри поднимается желание сразу смягчить случившееся: написать, что она вовсе не это имела в виду, что всё нормально, что он не должен так переживать. Но ведь всё не было нормально. И она не знала, что именно он переживает.

На обороте оставалось ещё несколько строк.

Молчание для меня не нейтральная вещь. Когда мне было пятнадцать, отец уехал в другой город. Первое время обещал звонить по выходным. Потом перестал отвечать на мои сообщения. Я долго считал, что не пишу достаточно правильно, чтобы он захотел ответить. Не рассказываю это, чтобы ты чувствовала себя обязанной. Просто объясняю, почему я услышал в твоих словах больше, чем там было. Это не оправдывает мою догадку. Никита.

Лера опустила записку на стол.

Она не знала, каким был Никитин отец. Не знала, сколько лет длилось это ожидание и что происходило потом. Знала только то, что Никита написал: он ждал ответа, старался подобрать правильные слова и в конце концов перестал писать. Это не объясняло всё в нём. Не превращало его молчание в неизбежность и не делало его неправым. Но теперь она видела, почему её просьба могла прозвучать для него как окончательное «нет».

И тут же заметила, как легко сама перескочила от понимания к ответственности за его чувства. Будто теперь, раз она узнала о его прошлом, должна была тщательно подбирать каждое слово, чтобы никогда его не задеть.

Лера встала и прошла по кухне. У окна пахло холодным стеклом. Где-то в стене тихо гудела труба. Она налила себе воды, выпила и вернулась к столу.

На этот раз она не стала писать сразу. Положила перед собой чистый лист и рядом блокнот. Вверху страницы вывела четыре строчки:

Когда происходит... я чувствую... мне нужно... можешь ли ты...?

Она смотрела на них, пока формула не перестала казаться упражнением из чужой книги. Это были не волшебные слова и не способ получить желаемый ответ. Всего лишь четыре опоры, чтобы не прятать просьбу в намёке и не требовать от другого чтения мыслей.

Первый вариант получился таким:

Когда ты не отвечаешь, я расстраиваюсь. Мне нужно, чтобы ты писал. Можешь ли ты не молчать?

Лера скривилась. Это звучало как упрёк, а просьба «не молчать» была ещё расплывчатее, чем «мне нужна тишина».

Она зачеркнула текст.

Потом попробовала говорить не о том, какой Никита, а о том, что конкретно происходило. Не «ты исчез», а «после моих слов записки перестали появляться». Не «мне страшно», если в действительности она пока чувствовала другое. Не «будь на связи», а сколько и в каком виде ей подходит.

Лера написала медленно:

Никита, когда после моей просьбы о тишине записки совсем исчезли, я почувствовала растерянность и тревогу. Я поняла, что выразилась неясно. Мне нужно два дня без новых тем, чтобы привыкнуть к происходящему, но я не прошу прекращать общение. Пожалуйста, оставляй одну короткую записку в день, если хочешь, даже если я не отвечу сразу. До воскресенья. Потом я сама скажу, готова ли продолжать разговор.

Она перечитала каждую строчку. Просьба была конкретной: две даты, короткая записка, право не отвечать немедленно. При этом она не требовала, чтобы Никита непременно согласился.

Ниже Лера добавила один вопрос:

Ты понял мою прежнюю фразу как просьбу совсем перестать мне писать? Если нет, напиши, пожалуйста, как ты её понял.

Она задержала ручку. Вежливость требовала бы приписать: «Если тебе не трудно», «извини, что беспокою», «я совсем не хочу тебя расстраивать». Лера представила все эти добавления — и поняла, что они снова замутнят просьбу. Она не просила прощения за то, что хотела ясности. И не обещала близости, к которой пока не была готова.

Внизу она оставила пустое место для ответа.

Затем перечитала записку ещё раз, уже не как письмо, а как договорённость, которую предлагает, а не навязывает. В груди всё равно оставалось напряжение. Ясные слова не могли гарантировать, что Никита согласится. Не могли отменить ни её тревогу, ни его прошлое. Но хотя бы не заставляли их обоих угадывать, что скрывается за словом «тишина».

Лера положила записку на стол и придавила чашкой. На этот раз не чужой: своей, с тонким сколом у ручки.

Когда она отошла, взгляд зацепился за пустой стул напротив. До сих пор они обменивались просьбами и ответами, будто стол был границей, которую нельзя пересечь. Но теперь, когда слова стали чуть яснее, возникал новый вопрос. Не о том, что Никита понял, а о том, можно ли когда-нибудь узнать его не по почерку.

Лера пока не знала, как его задать.

Сосед, которого нельзя встретить

Лера подняла чашку с записки, и бумага тихо шуршнула по столу.

В пустом месте, которое она оставила для ответа, Никита написал: «Согласен. После девяти буду пользоваться наушниками. Если тишина окажется слишком строгим условием, скажи».

Она перечитала строчку дважды. Потом взяла карандаш и приписала ниже:

«А можно как-нибудь встретиться? Не запиской».

Вопрос показался ей одновременно смелым и нелепым. Лера положила лист на стол, чашку поставила сверху и ушла из кухни, не зная, чего ждёт больше: ответа или доказательства, что на этот вопрос ответа не существует.

На следующий день записка лежала на том же месте. Никита написал аккуратно, почти печатными буквами:

«Я однажды ждал у двери в восемь вечера. В моём календаре была среда, в твоём — вторник. Думаю, дело не в том, кто из нас не успел. Я тоже хотел бы увидеть тебя».

Лера долго стояла у двери. Потом проверила замок, хотя отлично знала, что он закрыт. В коридоре пахло пылью и холодным камнем. За дверью никого не было, только лестничная площадка и лампочка под потолком, которая мигала, будто тоже пыталась договориться со временем.

Она вернулась на кухню и села напротив пустого стула.

Встретиться они не могли. Но квартира, судя по всему, не собиралась ждать, пока они смирятся с этим.

За следующие несколько дней сахарница трижды меняла место. Лера ставила её на поднос у стены, чтобы освободить стол. Никита возвращал на полку рядом с чайником. Она передвигала чайник к розетке. Он переставлял его обратно, где на плитке остался бледный круг от нагрева.

Сначала Лера считала это упрямством. Потом — странной привычкой. Потом снова упрямством.

На четвёртый раз она оставила возле сахарницы записку:

«Я переставляю её сюда, потому что хочу освободить место на столе».

В ответ Никита написал:

«Я возвращаю её на полку, потому что ищу там. Не думал, что это выглядит как возражение».

Лера улыбнулась. Сахарница вдруг перестала быть сахарницей и оказалась картой его кухни, нарисованной поверх её карты.

С посудой вышло сложнее.

После позднего завтрака Лера оставила чашку и тарелку в раковине. Не из принципа: звонил телефон, она вытерла руки о полотенце и торопливо ушла отвечать. Когда вернулась в следующий раз, чашка стояла в шкафу, тарелка лежала на сушилке, а маленькая ложка исчезла.

Она нашла её в банке с кухонными принадлежностями.

«Пожалуйста, не убирай мою кружку в шкаф», — написала Лера. — «Я не всегда понимаю, что ты уже трогал».

Ответ Никиты появился на следующий день:

«Я решил, что посуда чистая и её нужно убрать. Кружка ничем не отличалась от остальных».

«Она с синей полоской».

«Теперь вижу».

Лера посмотрела на кружку. Синяя полоска была тонкой, почти незаметной, если не знать, что искать. На следующем листке Никита добавил: «Я не знал, что у кружек бывают биографии».

«У этой есть», — ответила она. «Она пережила два переезда и один очень плохой роман».

В следующий раз кружка стояла на столе. Рядом Никита оставил маленький бумажный ярлычок: «Не убирать. Важная».

Лера повесила его на ручку кружки и рассмеялась. Смех получился коротким, но в пустой кухне прозвучал так, словно кто-то наконец вошёл.

Потом был свет.

Лера обнаружила, что потолочная лампа горит, хотя на кухне никого не было. Она выключила её и написала: «Свет лучше гасить, когда уходишь. И форточку закрывать, пожалуйста. В комнате холодно».

На следующий день Никита ответил:

«Свет я выключил, когда пришёл. Но спасибо, что сказала. Я открыл форточку проветрить и, кажется, не проверил защёлку».

Лера поморщилась. Она помнила, как сама открывала окно после жарки лука, а потом услышала звонок и выбежала в коридор. Вернулась ли она тогда закрыть его? В памяти остались только запах еды и телефон, который вибрировал в кармане.

Она взяла карандаш.

«Я тоже открывала. Не уверена, что закрыла. Возможно, холод устроили мы оба».

Ответ появился не сразу. К вечеру следующего дня на листе стояла одна короткая фраза:

«Похоже, мы оба умеем заботиться о свежем воздухе и забывать о форточке».

Под ней Никита нарисовал окно с двумя маленькими человечками по разные стороны рамы. У одного в руке был телефон, у другого — кружка. Оба выглядели виноватыми.

Лера приклеила рисунок на холодильник.

С продуктами они едва не поссорились всерьёз.

Она купила молоко, поставила в дверцу холодильника и оставила возле него записку: «Для кофе». На следующий день молока было меньше половины. Никита, судя по его сообщению, тоже считал его своим. Лера решила, что он выпил почти всё, хотя сам не оставил ни слова.

Вечером она написала: «Если берёшь последнее общее, сообщай. Я планировала кофе».

«Я не знал, что оно общее», — ответил Никита. «На бутылке не было имени».

«Я думала, мы делим продукты».

«Я тоже. Но не все».

Лера положила карандаш. На кухонном столе лежала записка, рядом стояла пустая бутылка, и вся эта сцена выглядела смешно ровно до того момента, пока она не вспомнила, как легко пустая бутылка превращалась в мысль: «Ему всё равно».

Она выдохнула и перевернула лист.

«Давай не будем угадывать. Нужно договориться о нескольких вещах».

На следующий день Никита уже ждал её ответом:

«Согласен. Только не превращай кухню в устав».

Лера достала из ящика большой лист бумаги.

«Постараюсь ограничиться кухней», — написала она.

Сначала она перечислила места, где они чаще всего спотыкались: свет и форточка, раковина, общий стол, продукты, температура. Потом остановилась и добавила ещё один пункт: «Личные вещи».

Внизу провела две колонки. Над одной написала: «Обязательно». Над другой: «Предпочтение».

Слово «обязательно» Никита подчеркнул и дописал на полях:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.